Когда посторонние разошлись, Сун Чжиши наконец получил направление на работу. Впереди его ждали три дня отдыха — законная передышка, чтобы спокойно собрать вещи и перебраться в общежитие ансамбля песни и пляски.

Около четырех часов дня, отчаянно спеша и едва не опоздав, он успел запрыгнуть на подножку последнего автобуса, идущего в уезд Фуци.

Полтора часа немилосердной тряски в пыльном салоне, еще полчаса на скрипучей телеге, запряженной неторопливым волом, — и вот, около шести вечера, вконец измотанный Сун Чжиши наконец добрался до жилого городка для семей военнослужащих. Кости после такой дороги ломило так, словно его разобрали по винтикам.

Лето в Хэло тянулось бесконечно долго. Даже в седьмом часу солнце все еще лениво висело над горизонтом, заливая все вокруг тягучим зноем. Сун Чжиши валился с ног от усталости, его мучили жажда и сонливость, а единственным желанием было поскорее добраться до своей постели и провалиться в забытье.

Но стоило ему войти на территорию, как он почувствовал неладное. Обычно шумный, бурлящий жизнью жилой городок сегодня словно вымер. Вокруг стояла подозрительная, почти осязаемая тишина.

Подойдя к калитке своего дворика, Чжиши замер. Предчувствие его не обмануло.

Дверь была слегка приоткрыта. Сквозь узкую щель угадывались смутные силуэты — во дворе определенно кто-то был, и людей там собралось немало. Чжиши испугался, прижал ладонь к деревянной створке и с глухим стуком распахнул ее настежь.

Перед ним предстала невероятная картина: весь его крошечный дворик, буквально забитый до отказа, занимали солдаты в военной форме. Они сидели за столами, выпрямив спины, плечом к плечу, из-за чего и без того тесный участок казался совсем крохотным.

Сун Чжиши так и застыл на пороге, глупо переводя взгляд с одного лица на другое. Солдаты ответили ему тем же. Пока он пытался сообразить, что происходит, к нему уже спешила сияющая Лю Сюмэй.

— Сяо Сун, вернулся наконец! — радостно защебетала она. — Проходи скорее, присаживайся, сейчас уже подавать будем!

— А... да, конечно, — пробормотал он, словно очнувшись от сна.

Под прицелом десятков внимательных, острых как у ястребов глаз он двинулся вперед, нелепо переставляя ноги от смущения.

В этот момент из дома, где принимали почетных гостей, вышел Гу Хуай.

Сегодня он изменил своей привычке и не надел военную форму. На нем были простые гражданские вещи: серая майка, плотно облегающая рельефные, литые мускулы, а поверх нее — легкая белая рубашка с небрежно закатанными до локтей рукавами. Без привычной строгости и закрытого мундира Гу Хуай выглядел на удивление молодо, в его облике появилось что-то легкое и почти мальчишеское.

Увидев его, Сун Чжиши почувствовал, как уходит тревога. Словно ласточка, стремящаяся к родному гнезду, он торопливо засеменил навстречу своему спасителю.

Приблизившись, он негромко, так, чтобы слышал только Гу Хуай, спросил:

— Откуда здесь столько людей?

"Господи, сколько же на все это ушло денег?.."

Гу Хуай, заметив, как побледнел юноша, истолковал его замешательство по-своему. Решив, что тот просто недоволен присутствием чужаков, он мягко, но настойчиво отвел его в сторонку.

— Ты сам их пригласил, — негромко, но твердо произнес он. — Так что не капризничай сегодня.

"Капризничать?"

"Да когда это я капризничал?!"

Сун Чжиши прекрасно помнил о своей некогда скверной репутации, поэтому спорить не стал, лишь мысленно вздохнул.

— Это ты все купил? Через мастера Фаня договаривался?

— Нет, — в глазах Гу Хуая промелькнули теплые, расслабленные искорки. — Ты ведь сам позвал всех на свиные ребрышки. Об этом сразу растрепали по всему городку. Вот те, с кем мы дружны, и потянулись. Не могли же они прийти с пустыми руками, так что остальные угощения — их рук дело.

Он никогда не отличался особой общительностью и не любил пустых визитов вежливости. Но сейчас, на пороге отъезда из части, где провел долгие восемь лет, даже его суровое сердце щемило от тоски. Он не знал, как выразить свою признательность товарищам по службе, как попрощаться с ними по-человечески.

И он никак не ожидал, что Сун Чжиши окажется настолько чутким. Мальчишка сам предложил устроить этот импровизированный прощальный вечер. Гу Хуай даже не знал, как его отблагодарить.

Он поймал себя на мысли, что, похоже, действительно судил о юноше предвзято. Пусть тот и вырос капризным да горделивым, но в душе оставался добрым и благодарным человеком. А былые глупости... Что же, тогда он был просто неразумным ребенком.

Сун Чжиши окинул взглядом двор. За двумя столами яблоку негде было упасть, а в доме, судя по всему, накрыли еще один. Походную кровать Гу Хуая давно сложили и убрали с глаз долой.

"Только близкие, значит..."

"Слава богу, я не позвал вообще весь полк..."

И все же, несмотря на эти ворчливые мысли, Чжиши видел, как просветлело лицо Гу Хуая. В его голосе звучала непривычная легкость, а весь его вид излучал искреннюю радость.

Такой Гу Хуай казался удивительно живым и... близким. Настоящим.

Эти мысли заставили сердце Чжиши странно екнуться.

— Может, мне нужно чем-то помочь? — спросил он, искренне желая приложить руку к общему делу и хотя бы немного обелить их семейную репутацию.

Заметив глубокие тени усталости под глазами юноши, Гу Хуай почувствовал, как сжалось сердце. Он осторожно, но собственнически приобнял его за плечи, увлекая за собой.

— Не нужно. Просто иди со мной и садись за стол.

Сун Чжиши не отличался высоким ростом. Годы лишений и скитаний в период взросления, когда приходилось недоедать и спать где придется, дали о себе знать. Сам он, впрочем, не терял надежды еще немного вытянуться.

Из-за жеста Гу Хуая они впервые оказались так близко друг к другу. До Чжиши донесся едва уловимый, чистый аромат мыла, исходивший от рубашки мужчины.

Только сейчас юноша осознал, что едва достает Гу Хуаю до плеча. Стоило слегка приподнять голову, как взгляд упирался в его гладко выбритый, волевой подбородок и очерченный кадык...

Внезапная близость заставила Чжиши смутиться. В груди шевельнулось робкое желание

отстраниться, но тяжелая ладонь на плече держала крепко, не давая сделать и шага назад.

Гу Хуай подвел его к Лю Фуцину и Чжао Юаньшу.

— Командир полка Лю, комиссар Чжао, знакомьтесь. Это Сун Чжиши.

Чжиши торопливо, хоть и не совсем умело, отдал честь.

— Здравствуйте, командир Лю. Здравствуйте, комиссар Чжао.

Командир полка Лю Фуцин, переведенный в Хэло после ранения на передовой, был человеком суровым, закаленным в боях. Невысокий, но крепко сбитый, с пронзительным, ледяным взглядом, он внушал невольное почтение одним своим присутствием.

Услышав приветствие, он медленно поднял глаза, оценивающе разглядывая «непутевого» барчука.

"А ведь ладный малый, — невольно подумал Лю Фуцин. — Симпатичный. Среди обветренных, смуглых бойцов он выглядит как очищенное варёное яичко, случайно затесавшееся в чашку с тёмными столетними яйцами"

Но затаенная обида на Гу Хуая, который так упрямо настоял на увольнении в запас, взяла верх. Командир лишь сухо выдавил:

— Угу.

Комиссар Чжао Юаньшу, присланный из провинциального управления, напротив, отличался мягкостью и интеллигентностью. В его манерах угадывалось хорошее образование, он походил на благородного господина из тех, с кем Чжиши часто общался в прошлой жизни. Это сразу расположило юношу к нему.

Чжао Юаньшу радушно улыбнулся и увлек Чжиши в разговор:

— Ну здравствуй, сяо Сун! Рад наконец познакомиться. Гу Хуай о тебе все уши прожужжал.

Сун Чжиши бросил короткий, смущенный взгляд на Гу Хуая и поспешно опустил голову.

"И что он мог обо мне наговорить? Явно ничего хорошего, учитывая, каким несносным я был раньше..."

— Ну же, присаживайся к столу, — радушно пригласил комиссар.

Чжао Юаньшу усадил юношу по правую руку от себя. Слева от комиссара расположился Лю Фуцин, а уже за ним сел Гу Хуай.

Чжиши очень хотелось поделиться с Гу Хуаем радостной новостью о своем зачислении в ансамбль, но теперь, когда их разделяли два высокопоставленных офицера, сделать это было невозможно.

Лю Фуцин окинул взглядом собравшихся и объявил:

— Раз все в сборе — приступим к ужину.

Вдруг над двором пронесся зычный, раскатистый голос одного из бойцов:

— Встать!

В то же мгновение все солдаты во дворе и в доме, словно единый отлаженный механизм, с грохотом поднялись со своих мест.

Сун Чжиши от неожиданности вздрогнул, едва не выронив палочки для еды.

— «В единении — сила»! За-пе-вай! — скомандовал тот же голос.

И десятки глоток слаженно подхватили мощный мотив:

— В единении — сила!

В единении — сила!

Эта сила — железо,

Эта сила — сталь!

Она крепче железа,

Она твёрже стали…

Оглушительная, торжественная песня взмыла над тесным двориком. Чистые, сильные голоса разносились далеко окрест, подхватываемые теплым летним ветром, и застывали в вечернем небе золотым аккордом.

В эту секунду время для Сун Чжиши словно замедлило свой ход, застыв в вечности.

http://bllate.org/book/19670/1973333